

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Эразм Роттердамский: необходимо раннее научное воспитание детей

Продолжаем знакомить вас с педагогикой Эразма Роттердамского. Начало публикации «СШ». 2007. №4.

**Владимир
Меньшиков,**
*заведующий
кафедрой религиозно-
деня
Курского
государственного
педагогического
университета,
доктор
педагогических наук,
профессор*

К воспитанию ребёнка надо приступать в раннем детстве, когда он ещё свободен от повседневных забот, а его дух чувствителен ко всему. В старости мы особенно помним запечатлённое в ранние годы, а основы наук лучше усваиваются в молодые годы.

Природа-мать создала нас для познания, вложив в нас зерно познания, как создала железо для производства вещей. И усвоение начал науки и языка в раннем возрасте идёт быстрее и легче, чем в зрелые годы. Ведь усваиваются в этом возрасте манеры и нравы. Есть много доводов в пользу раннего обучения, в том числе и тот, что дух человека в это время ещё свободен и открыт. Можно пригласить и учителя, который будет другом ученику, будет знать силы ребёнка, и учение будет для ребёнка не тяжестью, а радостью. А если знать, что жизнь человека мимолётна, в юности человек склонен к увлечениям, в зрелые годы занят житейскими проблемами, то можно согласиться, что ребёнку надо учиться в детские годы, отчего в последующей жизни ему будет большая польза и это уберёжет его от многих бед.

Если отец хочет дать своим сыновьям хорошее воспитание, знание наук, языков, основу философии, хочет быть отцом в подлинном смысле, то нужно дать сыну образование. Поэтому Эразм предупреждает отца, чтобы первые годы его «сыночка» не

прошли безрезультатно и он усвоил элементы наук до того, как его сердце станет менее послушным и усвоит зло. Поэтому нужно, чтобы ребёнок вместе с молоком «вдыхал нектар науки», а отец так распределял свою заботу о «сынчике», чтобы с усилением тела укреплялся и дух. Для того и необходимо раннее воспитание.

Но надо разбираться в воспитании. Например, люди, занимающиеся земледелием, строительством, коневодством, обращаются за советом к знающему делу человеку, а образование и воспитание, как и прежде, кажется менее важным занятием, поэтому здесь не идут за советом и не спрашивают умного мужа, а обращаются с ребёнком, как с самой бездушной вещью. Такое обращение нередко калечит ребёнка, его здоровье: «Мне не хотелось бы, дорогой друг, ссылаться здесь на известные слова о долге, который наложили на родителей по отношению к детям природный (естественный) закон, родительская любовь, божественная заповедь и государственное предопределение и благодаря чему мы, в определённой мере, преодолеваем смерть и становимся бессмертными. Однако некоторые полагают, что исполнили отцовский долг, только породив ребёнка. Здесь нет ещё того, что достойно имени «отец». Чтобы быть истинным отцом, ты должен всесторонне заботиться о своём сыне»¹. И первая забота должна состоять в том, чтобы отличить ребёнка от других творений и приобщить его к Богу.

Но нельзя, чтобы смертному телу уделяли больше внимания, чем бессмертному духу. И хорошее, и плохое в человеке — от обучения. Ведь даже животные многому учат своих детёнышей. Человек же приходит в мир беспомощным, только с разумом, способным к обучению. Важно оставить ребёнку наследство, но ещё важ-

нее научить его пользоваться им. Успех может «выпасть» твоему сыну, но лучше научить сына достигать его.

Но если даже дрессировка лошади или собаки требует огромных трудов, то ещё труднее воспитать ребёнка. Опасаются преждевременности воспитательных действий. Но «бывает, что у астролога спрашивают, кем будет ребёнок, ещё до рождения, а воспитывать ребёнка после рождения считают преждевременным. Так рано заботитесь, чтобы сделать из сына офицера или чиновника, но почему не заботитесь о том, чтобы сделать своего сына офицером или чиновником, полезным для государства?»².

Эразм рассуждает, как трудно сформировать человека. Человек, не получивший философского, научного образования, близок к неразумным животным. И если его не просветить через науки и философию, то он будет следовать животным страстям. «Нет более дикого и опасного зверя, чем человек». С его всяческими пороками он становится чудовищем, с животной душой в человеческом обличье. А человек рождается духом. Но если «ты не заботишься о воспитании сына, то ты будешь отцом чудовища, не человека. И должен больше стыдиться не физических недостатков сына, а того, что ты отец нечеловека... Ты обвиняешь природу, что она отказала твоему наследнику в человеческой душе, и ты сам действуешь так, чтобы твой сын никогда не был приобщён (к) человеческому духу... Если природа дала тебе сына, то она дала тебе не больше, чем сырой материал (*rohe Masse*). Твоя задача — в чуткую ко всякому обучению материю внести лучший дух. Не делаешь этого — получишь животное; позаботишься — создашь в некоторой мере божественное существо»³.

Владимир Меньшиков
Эразм Роттердамский: необходимо раннее научное воспитание детей

¹ Э. Роттердамский. О раннем и достойном воспитании детей. С. 48.

² Там же. С. 52.

³ Там же. С. 55.

Никто не рождается только для себя, для праздного времяпрепровождения. И не только для отца. Но и для государства, и для Бога. Апостол Павел пишет, что родители должны не только родить ребёнка, но воспитать в нём набожность. Родители за грехи сына считают ответственным Бога. Но если вы не дали ребёнку раннего воспитания, то в этом ваша погрешность. И правильны слова: мудрый сын — счастье отца; плохой сын — глупость матери, скорбь родителей, их преждевременная старость, а затем смерть. Эразм приводит примеры плохих детей и утверждает, что это случилось потому, что родители считали, что достаточно их родить, но не воспитывали их.

«Детобийцами называют тех, кто после рождения убьёт тело, уничтожит тело; но насколько большее злодейство, убивающее дух». Преступление против души намного тяжелее, потому что это преступление против Бога.

Эразм считает, что сильно вредит воспитанию то, что ребёнок рано привыкает к нарядам, к деньгам, к изысканной еде. Если ребёнок видит плохое поведение отца, то он привыкает к нему, и это становится его «второй натурой», потому что плохое усваивается легко.

Нередко матери излишне опекают детей. Это плохо сказывается на развитии ребёнка: и хуже на развитии души, чем тела.

Далее Эразм опять рассуждает о том, что если мы многому учимся у животных (приводятся многочисленные примеры), то мы должны учиться у животных и раннему воспитанию. Ведь животные рано обучают своих детёнышей тому, к чему предназначила их природа. «Олень учит детёныша раньше бегать, чем тот встречает охотника». И подобно тому, как животное предназначено к своему, например, собака к охоте, так

и человек рождается к знанию и достойному действию. И подобно тому, как каждое существо легко учится тому, к чему оно рождено, так без особого труда усваивает человек образование для блага и благородства, поскольку природа заложила в нём задатки к обучению. И что может быть бессмысленнее того, когда неразумные создания знают свой долг по отношению к своим детёнышам, а человек, отличающийся от животного разумом, не знает свой долг по отношению к природе, отечеству, Богу.

«Природа дала тебе кусок плодородный, но необработанной почвы. Не проявишь заботы — разрастутся чертополох и колючки и искоренить их затем удастся с большим трудом... Весь расчёт человеческого счастья основывается преимущественно на трёх вещах: природных данных, учении, упражнении. Природными данными я называю переимчивость и глубоко укоренелую склонность к благородству; под учением понимаю я поучение, которое состоит из увещаний и наставлений; упражнением называю укрепление в состоянии, к которому заложила зародыш природа. Природные задатки нуждаются в теоретическом наставлении; упражнение, когда оно не сопровождается учением, подвержено многочисленным опасностям и заблуждениям»⁴.

Заблуждение считать, что через простое занятие с вещами, через практическую деятельность без философского наставления можно усвоить истину. Великую пользу приносит обращение с различными вещами, но полное знание можно приобрести только через правильное учение. Да и нужно ли желать сыну тяжёлую участь практического освоения знания, ведь «философия за единственный год учит больше, чем многие эксперименты за тридцать

⁴ Там же. С. 61.

лет». К тому же это менее опасно, чем обучение на собственном опыте. На многих примерах Эразм показывает преимущество теоретического обучения над практическим и говорит, что по этой причине Филипп II пригласил в учителя Александру III, названному позднее Македонским, Аристотеля, который обучал его философии.

Ребёнок предрасположен к обучению. И это подтверждается самой природой, поскольку любое живое существо легко учится тому, чему соответствует его природа. Не обучая ребёнка, вступают в противоречие с его природой.

А если ребёнок становится склонным ко злу, то в этом большей частью наша вина, поскольку дух испортился раньше, нежели стал добродетельным, он стал больше склонен к усвоению плохого, чем хорошего. Три главные причины этого: либо воспитание не даётся, либо поздно начинается, либо даётся такое обучение, которое требует затем переучивания. И происходит это в основном от незнания или беззаботности родителей. И позорно то, что они часто проявляют больше заботы о лошади или участке земли, чем о самом дорогом на свете: ребёнке. И прибегают в этом — а не в воспитании — к совету знающего человека. А когда ребёнок оказывается нерадивым, глупым, грубым, оказывается неспособным к исправлению, только тогда его отдают на воспитание. Что может быть извращённое этого?

Эразм Роттердамский говорит, что есть родители, у которых нет денег на учителя, но есть деньги на охоту, на то, чтобы день и ночь играть в азартные игры. Есть люди, которые на бесполезное приобретение тратят больше денег, чем на воспитание сына. Как говорится, ничто не обходится отцу дешёвle, чем воспи-

тание его ребёнка. Эразм приводит в пример Аристиппа (греческий философ, ученик Сократа). Когда отец привёл к нему на воспитание сына, он запросил 500 драхм. Родитель возразил на это, что за эти деньги он может купить раба. На это Аристипп остроумно заметил ему, что тогда у него будет два раба. На чём угодно можно сокращать расходы, но экономить на образовании сына — «не бережливость, но безумие». Есть люди, которые в выборе учителя больше надеются на мнение друзей, чем на свои убеждения, и получается так, что «упускается мастер и вместо него берётся непригодный человек только потому, что его посоветовали друзья»⁵. В судоходстве ты не обращаешь внимание на советы, а доверяешь рулю тому, кто лучше разбирается в судоходстве. А почему так же не поступаешь ты в отношении сына? Ведь от него зависит будущее отца, матери, семьи и даже государства. А если заболит лошадь, то лечишь ты её по советам друзей или врачей?

От природы самой по себе мало что зависит, хотя и здесь очень важна осмотрительность.

Первое требование, по Эразму, состоит в том, чтобы ты выбрал себе жену из доброй и хорошей семьи, воспитанную и здоровую. Поскольку душа взаимодействует с телом, то ребёнок должен быть порождён не в гневе, не в пьяном виде, иначе это потом вредно отразится на телесном и духовном развитии ребёнка.

Второе требование. Во время беременности мать и отец должны находиться в добром расположении духа и с этого времени уже проявлять заботу о ребёнке, а не тогда, когда ему исполнится 10, а то и 17 лет.

Третье требование состоит в том, чтобы мать кормила ребёнка сво-

Владимир Меньшиков
Эразм Роттердамский: необходимо
раннее научное воспитание детей

⁵ Там же. С. 64.

ей грудью, а затем у него было правильное питание, а вокруг он видел хорошие нравы, это уберёжёт его от ошибок в телесном и духовном развитии. Следует также помнить о влиянии сестёр и братьев, товарищей.

Четвёртое требование. С ранних лет найти учителя, который был бы образован и оправдал многочисленные ожидания. Но заботы родителей не должны кончаться на этом. Они должны поднимать авторитет учителя в глазах ребёнка, интересоваться его воспитанием. К сожалению, родители больше следят за хозьяйством. И это — пока ребёнок мал. А когда он подрастёт, то его и вовсе отправят далеко от семьи получать образование. Между тем многие выдающиеся люди, государственные деятели следили за учёбой своих сыновей.

Эразм вспоминает, как он подготовил молодого человека в области «свободных» наук, греческого и латинского языков, но когда архиепископ, содержавший за свой счёт юношу, определил его учить праву, то юноша не мог изучать эту науку. На вопрос Эразма: почему? — он отвечал, что обучение настолько тяжело для него, что ему кажется, будто его грудь словно пронзает меч. Поэтому Эразм считает, что не надо готовить ребёнка к профессии, к которой он так же способен, как осёл к игре на лютне.

Точные признаки способностей можно заметить уже в детстве. Эразм уверен, что человек не должен учиться тому, к чему невосприимчив дух человека. Природа ни в чём не ограничивает человека, но она поддерживает его.

«Впрочем, теоретическое и практическое образование целиком зависят от нашего прилежания». И то, и другое важно. Как велики успехи науки, показывают современ-

ные машины и приспособления.

А как велика роль упражнения, говорят слова старой истины, приписывающие всё добросовестности. Как постепенно приучают коня к войне, как постепенно приучают крестьянского мальчика к сельской работе, так же постепенно надо приучать к научным занятиям. Конечно, ребёнок ещё не созрел для того, чтобы он мог читать книги Цицерона о долге, или «Этику» Аристотеля, или моральные сочинения Сенеки или Плутарха, или послания Апостола Павла; однако если он ведёт себя неправильно за столом, то его порицают и исправляют с помощью примера. И когда его ведут в церковь, то учат его склонять колени, складывать руки, обнажать голову, всё своё поведение направлять соответственно божественной службе, — так приучают малыша к началам пристойности и благочестия, прежде чем он научится говорить, и эти навыки останутся в нём затем на всю жизнь.

Сначала ребёнок не различает чужих и родителей. Однако скоро он начинает узнавать мать, потом отца, учится уважению, послушанию, учится любить. Он учится гневу и строптивости, когда должен «целовать каждого, кто ему несимпатичен». Он учится уважать стариков и обнажать голову перед Распятием. Поэтому очень многое зависит от такого рода привычек. Эразм приводит в пример Платона, который о детях, играющих в кости, сказал, что игра в кости небольшое зло, но оно станет большим злом, когда войдёт в привычку. «И как привычка к маленьким порокам есть великое зло, так привычка к маленьким добродетелям есть великое благо... **Итак, почти сразу после рождения приывает человек к дисциплине и манерам, и как скоро он начинает говорить, так скоро он (должен) го-**

товиться к научному образованию»⁶. В зависимости от этих привычек с возрастом человек будет находить радость либо в грехе, либо в добродетели.

Хотя наука имеет огромную пользу, но если она не будет поставлена на пользу добродетели, то она принесёт скорее вред, чем пользу. Так как первое обучение состоит в том, чтобы научить его ясно и без ошибок говорить, то родители должны быть ему в этом опорой. Это начало имеет огромную важность не только для красноречия, но и для правильного мышления, для изучения всех учебных предметов. Усвоение речи, по мнению Эразма, покоится на двух вещах — подражании и памяти. Ребёнку свойственно подражанию, взрослому — памяти. Язык лучше изучать в детстве, потому что то, что мы узнаем в детстве, мы помним долго, а что узнаем в зрелые годы, то быстро забываем. Ребёнок легче усваивает язык непосредственно, чем взрослый с помощью общих правил. Поэтому не должны, говорит Эразм, приступать к изучению языков после 16 лет, и тут же противоречит себе, говоря, что Катон начал изучать греческий язык в 70. При этом во внимание надо брать то, что юноши с равной или большей лёгкостью впитывают в себя плохое, чем хорошее. Даже забываем мы хорошее более легко, чем плохое. Это заметили уже древние философы. Далее Эразм приводит примеры того, как родители в давние времена прежде всего заботились и считали своим долгом, чтобы в ранние годы (в Риме и Греции до поступления в элементарную начальную школу) привить своему ребёнку добродетель и подготовить к усвоению наук. Язык мож-

но усвоить и в непосредственном общении, но он будет и правильнее, и содержательнее, если ему учить специально, при этом учение будет намного легче, если оно будет повседневным занятием, которое проводят сами родители. Эразм приводит примеры обучения в семьях великих людей Европы, в том числе и Томаса Мора, который учил свою жену, дочерей и сына не только благочестию, но и языкам. «Об этом надо заботиться хотя бы для тех, кто предназначен для учёного сословия. И не заботиться о том, что народный (свой. — В. М.) язык им окажется чужим; они легко выучат его через повседневное окружение»⁷.

Если в доме нет никого, кто бы разбирался в науках, то надо пригласить специалиста, который столь же нравствен, сколь и образован. И важно, чтобы сын одновременно получал образование и становился порядочным человеком. В других вещах можно допустить ошибку, но не в этом. На войне нельзя дважды сделать ошибку, — говорил Эразм, — здесь нельзя ошибаться и один раз.

Чем раньше начнут воспитывать малыша, тем успешнее будет образование. Правда, некоторые возражают, что раннее обучение может плохо сказаться на здоровье. «На это я могу возразить, что хотя физические силы что-то и потеряют, но эта потеря будет достаточно уравновешена духовной прибылью. Так как мы воспитываем не борца, но учёного и государственного деятеля, то ему достаточно, чтобы он был здоров»⁸.

Полагаю, — рассуждал Эразм, — что к юношам надо иметь некоторое снисхождение. Однако чаще опасности проистекают от неумеренности в еде, от которых тело страдает не

Владимир Меньшиков
Эразм Роттердамский: необходимо
раннее научное воспитание детей

⁶ Там же. С. 69–70.

⁷ Там же. С. 74–75.

⁸ Там же. С. 75.

меньше, чем дух, потому что некоторые виды еды и напитков не подходят данному возрасту. Вредит здоровью ребёнка и тесная стягивающая его одежда. Многими другими способами изнеживают ребёнка. Что сказано о здоровье, имеет равное значение и для внешности, которой нельзя пренебрегать, но и много заниматься ею недостойно мужчин. И хотя мы опасаемся вредного влияния учёбы на внешность, но красота куда более разрушается невоздержанностью и излишествами. От этих вещей больше страдают здоровье и красота ребёнка, чем от учёбы.

Однако можно предусмотрительно позаботиться о том, чтобы усилия ребёнка и ущерб его здоровью были гораздо меньшими. Это будет возможно в том случае, если мы предлагаем малышу не многое и всё возможное, но только существенное и то, что больше соответствует его возрасту. А в этом возрасте ребёнок скорее усваивает приятное, нежели разумное. Затем важно употреблять такой способ обучения, чтобы обучение было радостью, а не тягостью. Ребёнок пока не может понять, какие предоставляются ему в будущем польза, почёт и наслаждения от науки. «Этого можно достичь отчасти через личность и дружелюбие учителя, отчасти через его дух изобретательства, мастерства, который может найти всевозможные приёмы, благодаря которым обучение будет приятно ребёнку, и ему не будет тягостно»⁹. Поэтому не может быть ничего вреднее той ошибки, когда ребёнок начинает ненавидеть учёбу раньше, чем сможет понять, почему он должен её любить.

С течением времени ребёнок, который вначале через учителя хотел любить науку, начинает хотеть через науку любить учителя. А через доброе отношение к учителю ребёнок сможет

лучше усвоить науку. «Правильно сказал Исократ (афинский оратор, учитель риторики. — В.М.), что наиболее легко учатся те, у кого есть жажда знания. Но охотно мы учимся у тех, кого любим». Но есть люди, которые жестоки от рождения, которые не любят... своих жён, не выносят смеха, которым нельзя доверить даже дрессировать животных, потому что они ничего, кроме страха, не внушают, а им доверяют воспитывать детей. Даже родители не смогут правильно воспитать своих детей, если те их только боятся. Поэтому первая задача состоит в том, чтобы обрести любовь, постепенно добываясь её не страхом и испугом, но естественным уважением, которое имеет большее влияние, чем боязнь (страх). Как трогательно, однако, — иронизирует Эразм, — заботятся о малыше, которого, едва ему исполнится четыре года, отправляют к незнакомому, злому и невежественному учителю, у которого подчас не всё в порядке с рассудком, который нередко страдает даже нервными болезнями, а то и болезнями похуже, даже проказой. Далее Эразм рассуждает о том, что лучше вообще не учить ребёнка, чем учить подобным образом, и с горечью говорит, что даже «баба» управляет мужем не угрозой, а лаской. Эразм вспоминает также школы «братьев общей жизни», которые занимались воспитанием детей с ранних лет и которые почти не учили детей, но всё-таки воспитывали их мягкими и отзывчивыми. Эразм, признавая достоинства этой школы, считал их научное образование недостаточным. Можно хвалить их метод обучения, говорил он, но моё мнение — не следует доверять им своих детей тем, кто хочет дать своему ребёнку более высокое образование.

«Школа должна быть общественной, иначе она не школа». В такой школе, — рассуждает он далее, — легче держать в страхе многих, чем

⁹ Там же. С. 76.

обучить одного. Но это не обучение, а управление волами и ослиами. Образовать ребёнка — труднейшая, но прекраснейшая задача. Тираны подавляют своих подчинённых через страх; исполнять свой долг через благосклонность, мягкость, благоразумие — по его мнению — есть свойство короля. Эразм приводит пример из истории. Диогена продавали в рабство, и он попросил продавца объявить: кто хочет купить человека, который может управлять свободно-рождёнными? Над этим объявлением смеялись многие. Один муж, имевший дома детей, подошёл к нему и спросил, действительно ли он это может? Из короткой беседы он понял, что имеет дело с необычным человеком и что под бедной одеждой скрыта прекрасная мудрость. Он купил его, привёл в дом и передал ему образование своих детей.

Эразм приводит пример из своей жизни. Он хорошо учился, но учитель сурово наказал его за проступок, которого он не совершал. Это уничтожило всю радость учения, и Эразм даже тяжело заболел. Учитель был умный и неплохой, и позже он говорил, что чуть не погубил гения. Он понял свою вину, «однако для меня было поздно». Можно сказать, что многие учителя могли быть помощниками палача, потому что они бьют из чистого удовольствия, а нрав их настолько одичал, что они находят наслаждение в чужих муках. «Такого рода люди должны быть палачами, а не воспитателями юношества».

Но не меньший ужас представляют и нравы, царящие между детьми в учебных заведениях. Эразм подробно описывает те издевательства, которым подвергается ребёнок в школе, и с горькой иронией замечает, что именно такие нравы больше

всего соответствуют изучению наук и искусств.

«Философ Ликон указал два очень действенных стимула приобщения ребёнка к духовной деятельности: стыд и похвала. Стыд — это опасение заслужить упрёк, похвала есть мать-кормилица всех искусств»¹⁰.

Поэтому надо не бить ребёнка, но прежде сделать так, чтобы он любил порядочность и науку и чувствовал отвращение к произволу и незнанию. Он должен слышать, как вознаграждаются одни за соблюдение законов и порицаются другие за их нарушение. Он должен видеть примеры того, как хорошо живут учёные люди и как плохо — не изучившие науку. Квинтилиан (оратор, первый учитель риторики. — В.М.) вообще осуждал привычку бить свободнорождённых детей.

Учителя, соответствующего своему идеалу, так же редко можно найти, как и настоящего философа. Поэтому светские и духовные власти должны заботиться не только о тщательном подборе людей для военной и духовной службы, но и о подборе тех, кто может правильно воспитывать детей граждан. Эразм напоминает, что раньше римские императоры оплачивали труд учителей. Но если государство не может об этом позаботиться, то каждый должен, по крайней мере, это сделать для своего дома.

А что делать тем людям, которые могут с трудом прокормить своих детей, не то что нанять им воспитателя? «На это можно ответить только известной поговоркой — «по одежке протягивай ножки». Мы предлагаем лучший метод воспитания, необходимых средств предложить мы не можем». Поэтому можно надеяться только на благосклонность богатых, которые будут в со-

Владимир Меньшиков
Эразм Роттердамский: необходимо
раннее научное воспитание детей

¹⁰ Там же. С. 85.

стоянии помочь средствами одарённому молодому человеку в развитии его природных задатков.

Учитель должен быть дружелюбен, как Сарпедон, воспитатель Катона, который был таким мастером, что воспитывал, никогда не нуждаясь в розге. «А те, которые ничего не понимают, кроме битья, что они будут делать, если им доверят воспитывать детей императора или короля? Они скажут, что сыновья правителей имеют исключение из этого правила? Что я слышу? Мы должны меньше любить собственное сына, чем королевского?»¹¹.

А так как простых граждан больше, то благодаря образованию и науке они могут занять самые высокие места в обществе. И хорошо известно, как люди из простых сословий занимали самые высокие государственные и церковные должности. «Не все пойдут так далеко, однако всем для этого нужно воспитание».

Эразм ещё раз подробно разъясняет, что обучение должно начинаться с любви ребёнка к воспитателю, в этом случае обучение будет проходить гораздо легче для ребёнка. Для этого надо найти воспитателя, который воспитывал бы так же, как мать ухаживает за ребёнком. Эразм описывает, с какой нежностью и любовью мать ухаживает за ребёнком, как учит его есть, ходить, заботится о его здоровье. «Есть люди, — говорит Эразм, — которые думают, что ребёнок почти что взрослый человек, из-за чего не обращают внимания на юный возраст, но меряют его способности по своим собственным силам»¹². Они только хмурятся, требуют постоянно работы от ребёнка, как будто они были только взрослыми, забыв, что сами были когда-то де-

тьми. Да и забывает воспитатель, что вначале надо учить ребёнка языкам, которые ребёнок легко и непроизвольно выучивает. Поэтому учить язык надо не с сообщения знаний о языке, а с поэзии. Что может быть приятнее для ребёнка басен Эзопа? Или вымыслов других поэтов? Приключений Улисса (Одиссея. — *В.М.*)? И при этом он не только легко выучивает язык, но столь же легко усваивает мораль, многие жизненные истины. И уже здесь ребёнок может обнаружить свои склонности к другим предметам обучения: музыке, искусству, счёту. Эразм пишет, что есть дети, которые не склонны к грамматике и риторике, но склонны к другим предметам. Ребёнок легко учится по тем предметам, к которым у него есть природные склонности.

Для обучения языкам большое значение имеет то, чтобы воспитатели правильно говорили. Басни и рассказы ребёнок тогда охотнее учит и лучше запоминает, когда ему демонстрируется их содержание в прекрасном изложении. Надо также, называя деревья, растения, животных, показывать картинки, особенно те, которых ребёнок не знает. Картинки демонстрируются ему в игре.

Эразм описывает метод обучения, который сводится к тому, чтобы заинтересовать ребёнка и суметь заставить его рассказывать о том на иностранных языках.

При выборе учителя важно обратить внимание на то, чтобы он знал подобные методы обучения и чтобы эти методы соответствовали возрасту ребёнка. «И как неестественно было бы искать весной спелый виноград, а осенью — розы, так же и учитель должен брать во внимание

¹¹ Там же. С. 87.

¹² Там же. С. 89.

каждый возраст. Юности больше подходит приятное и хорошее»¹³.

Раннему возрасту больше подходят грамматические науки, которые ребёнок может выучить легко и без скуки. «Разве труднее учить прелестные басни писателей, красивые изречения, знаменитые истории или поучительные рассказы, чем слушать и запоминать нелепые и большей частью непристойные песни или нелепые сказки и глупую болтовню простых баб?».

Рассуждения Эразма понятны. Они логичны. В то время, когда воспитание детей доверялось людям малограмотным, он хотел поставить его на научную основу.

Можно спросить: какой учёный пойдёт к такому малышу? Однако ещё великий философ Аристотель не считал ниже своего достоинства быть воспитателем Александра Македонского. Далее Эразм приводит другие примеры.

При обучении учитель не должен быть суровым, а скорее настойчивым. Настойчивость не повредит, если она умеренна, если малыш не чувствует напряжения, а думает, что это только игра.

Умение говорить без труда достигается через употребление языка. «Затем следует упражнение в **чтении** и **письме**. Разумеется, в них также есть скука; однако её можно большей частью избежать через мастерство учителя, если приправить некоторыми приятными вещами». Можно найти такие приёмы, которые помогают быстро изучить буквы и их связи и трудные основные правила грамматики. «Некоторые представляют буквы в виде печенья, которое дети любят, при этом они словно едят печенье. Кто может указать имя буквы, тот получает награ-

ду. При этом малыш берёт то, что ему больше нравится. Англичане любят стрельбу из лука и с ранних лет наставляют в этом своих детей. Поэтому и буквы можно показывать ребёнку с помощью лука и стрелы. Затем можно показать греческие, позднее латинские буквы. Если ребёнок назовёт букву правильно, то получает награду или нечто, что доставляет ему радость. Такая игра будет ещё интереснее, если в ней примут участие два-три товарища, которые соревнуются между собой. Таким образом ученик за несколько дней может выучить написание и произношение букв, что иному школьному учителю удаётся сделать за годы битвы своих подопечных.

Далее Эразм говорит, что очень важно в обучении использовать состязание ученика с товарищами его возраста, причём оно должно быть организовано так, чтобы ученик был и победителем и побеждённым, со всеми почестями победителя и неудобствами побеждённого. И через эту смену похвалы и порицания можно сохранить в ученике постоянное напряжение.

Иной учитель не заботится о том, чтобы облегчить постижение истины, а к этим трудностям преднамеренно добавляет новые. Эти ошибки встречаются почти во всех школьных учебниках, запутывают и усложняют их усвоение. «Если им показывают новый метод, — рассуждает Эразм, — то они отвечают, что они не будут учить новым методом, и не потерпят, чтобы малышу было бы как-нибудь лучше, чем и самим в юности». Это высказывание Эразма звучит достаточно современно.

Конечно, трудностей не избежать. Но там, где трудностей нельзя избежать, пусть учитель, на-

Владимир Меньшиков
Эразм Роттердамский: необходимо
раннее научное воспитание детей

¹³ Там же. С. 91.

сколько может, попытается подражать опытному врачу, который горькое лекарство предлагает запить сладким. Такая учёба не вызывает отвращения. При этом легче обнаружить склонности ребёнка. **«Ребёнок силён не силой, но настойчивостью и врождёнными способностями»**. В некоторых отношениях, — продолжает свои рассуждения Эразм, — даже слон уступает комару. И каждое существо сильно в том, к чему оно предназначено от природы. Малыш целый день резвится и не устаёт. Если это будет делать взрослый, он устанет. Почему это происходит? Потому что игра соответствует юности. Ребёнок представляет себя в игре, но не в труде. И поэтому основную трудность в учёбе вызывает даже не сама учёба, а чувство зависимости. Поэтому обучение должно даваться в форме игры. Есть игры, которые облегчают получение знаний. «Сюда относятся **написание сочинений, описание земли**».

Учитель должен уметь пользоваться этими средствами. Тогда малыш привыкнет ценить и уважать учителя, любить науку и восхищаться ею, избегать порицаний и стремиться к одобрению. На примере многих великих деятелей показывает, что они начали свои занятия в раннем возрасте и только благодаря этому достигли выдающихся успехов. «Мы же держим наших детей дома чуть ли не до взрослости, — с горечью говорит далее Эразм, — а когда окончательно испортятся, посылаем их в школу. И там учат они, если ещё хотят, немного грамматику, едва понимая склонения слов и правильную связь субъекта и объекта. И только приступая к диалектике, на-

чинают учиться говорить. Ещё хуже было во времена моей молодости, когда ничему другому не учили, как неправильно говорить. Учителя усложняли грамматику диалектикой и метафизикой. И неудивительно, когда мужчины в зрелом возрасте, уже освоив высшие науки, с азав начинали изучать грамматику. Это случается даже сегодня, когда известные церковные деятели вынуждены читать книги, которые должны были прочитать в детстве. Но лучше поздно, чем никогда».

Далее Эразм рассказывает, по каким плохим учебникам и как скверно их учили в их время. В заключение Эразм Роттердамский обращается: «Тебе я мог бы сказать, что для твоего бесценного сокровища — сына, какое переменчивое и трудное, но также какое прекрасное дело — образование; как велика восприимчивость детского духа к каждому наставлению; как легко человеческий дух может быть направлен; как скоро учится самому важному и соответствующему природным склонностям, особенно если учится, играя у порядочных и дружелюбных учителей; дальше, как прочно сохраняется то, что заложилось ещё свободным и чистым духом в ранние годы. Кроме того, как драгоценно и невозвратно время; как много зависит от того, чтобы рано и своевременно начать учиться... Как быстротечны юношеские годы, как... занято время в зрелые годы, как невосприимчива к обучению старость. Когда ты это всё взвесишь, то согласишься, что твоему сыночку, чтобы иметь какие-то успехи в науках... он мог учиться, не хочу сказать в семь, даже не в три года надо начинать»¹⁴.

¹⁴ Там же. С. 101.